

УДК 618.2
ББК 57.16
Х99

This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd
and The Van Lear Agency LLC

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Leah Hazard
HARD PUSHED
A Midwife's Story

Перевод с английского *Ирины Голыбиной*

Хэзард, Лиа.

Х99 Записки акушерки. Трудная ноша / пер. с англ. яз.
И. Д. Голыбиной. — Москва : Издательство АСТ, 2023. —
352 с. — (DUM SPIRO SPERO).

ISBN 978-5-17-155663-1 (рус.)

ISBN 978-1-786-33160-1 (англ.)

Кем может работать женщина, если ее фамилия значит «опасность»? Нет, не полицейским и не спецгентом. Она – акушерка.

Лиа Хэзард не сразу определилась с выбором профессии, но после удачного замужества и появления на свет двоих дочерей решила стать акушеркой. Поначалу наивно полагая, что будет вместе со своими пациентками восторгаться рождению новой жизни, ухаживать за веселыми и довольными будущими мамочками, а потом нянчиться с их круглощеками младенцами, она быстро поняла, что на самом деле работа акушерки весьма далека от этой идиллической картины.

Роды проходят по-разному. Неотложные ситуации возникают постоянно. В родильных отделениях не хватает персонала, акушерки вечно перерабатывают и не высыпаются, на них лежит огромная ответственность, и многие не выдерживают. Однако автор не из таких.

Она приходит на помощь в самых тяжелых ситуациях. Старается сделать все, что в ее силах. Искренне сопереживает своим пациенткам, отчего зачастую страдает сама, но до сих пор ей не удалось обрести панцирем равнодушия, который на ее работе очень бы пригодился.

Увлекательная книга, рассказанная от первого лица: о британской системе родовспоможения, клинических случаях и житейских историях, которые могут быть куда увлекательнее любого вымысла.

УДК 618.2
ББК 57.16

ISBN 978-5-17-155663-1 (рус.)
ISBN 978-1-786-33160-1 (англ.)

© Leah Hazard 2019

© Matt Marcus, фото на обложке

© И. Д. Голыбина, перевод, 2019

© Оформление. ООО «Издательство
АСТ», 2023

«У каждого должны быть такие люди, в кругу которых можно сесть и поплакать, но при этом и дальше считаться бойцом».

Адриенна Рич

События, описанные в книге, базируются на моем профессиональном опыте и воспоминаниях. Из соображений конфиденциальности я изменила имена коллег и пациенток, а также названия мест. Истории, которые я рассказываю, не касаются какой-то конкретной пациентки, скорее, персонажи сочетают в себе черты разных людей, с которыми мне приходилось сталкиваться. Все совпадения случайны.

С чего все начинается

Очередная ночь, очередная промежность.

Для меня нет ничего необычного в том, чтобы провести ночь между ног у незнакомки. Иногда даже у двух или трех за двенадцать часов. Сегодня, однако, все по-другому. На часах 3:42, и роды идут не по плану. Я сижу, глядя во влагалище так, словно передо мной дуло пистолета. Роды вообще рискованный процесс, этакая физиологическая русская рулетка, но каждая акушерка в душе надеется, что пуля ее минует.

— Я больше не могу, — стонет обессиленный голос.

И в то же мгновение передо мной появляется полоска кожи с темными волосками.

— *Можете, и сможете еще сколько надо,* — отвечаю я голосу.

Потом бросаю взгляд на часы на стене и мысленно отмечаю: «03:44, показалась головка». Позднее

мне придется писать подробный отчет о ходе родов, но этим я смогу заняться лишь после того, как будут убраны в мусорный мешок перепачканные кровью бумажные простыни, на подоконнике будет стоять поднос с чаем и печеньем, а ребенок благополучно появится на свет. *Если он появится благополучно.*

Еще одна схватка прокатывается по телу женщины передо мной; ее раздвинутые ноги дрожат от напряжения, кусочек кожи с волосами становится чуть заметней — головка ребенка проталкивается вперед еще на миллиметр. «03:46», — делаю я следующую мысленную заметку. — «Головка продвигается».

— Да черт вас всех раздери! — восклицает голос в изголовье кровати. — Сделайте что-нибудь! Вытащите его, вырежьте, мне уже все равно!

Столько усилий и почти без результата. Капли пота стекают мне на переносицу; в палате темно, и только одна хирургическая лампа ярким пятном освещает промежность пациентки. У меня на руках стерильные перчатки, я не могу трогать ничего, кроме женщины перед собой. Пот продолжает течь: по носу, по подбородку и дальше на шею.

— Перегородка слишком тугая, — шепчет другой голос у меня из-за спины. Это Мэри, акушерка, пришедшая по моему сигналу, чтобы помочь. — Она не растягивается.

Мэри высказывает мои собственные тайные страхи. Тело роженицы сотрясает новая схватка, но макушка ребенка упирается в толстую кожистую стенку.

Тик, тик, тик... тик... тик... Мы с Мэри одновременно выпрямляем спины, услышав, как сердцебиение плода замедляется, становясь неравномерным. Это тревожный знак. «03:49, прослушивается децелерация до 96 ударов в минуту». То, чего мы больше всего боялись.

— Ваш ребенок начал устывать, — осторожно сообщаю я женщине на кровати.

— Не он один, — откликается голос, теперь измученный и слабый.

Еще одна схватка подталкивает головку ребенка наружу, но натянутая кожа не дает ей выйти.

— Придется делать эпизиотомию, — шепчет Мэри.

Я оглядываю лоток с инструментами, стоящий у меня под рукой, на металлической тележке справа. Зажимы для пуповины, вода, вата, гигиенические прокладки. Маленькая пара закругленных ножниц для перерезки пуповины и еще одна пара более длинных с короткими прямыми лезвиями, чтобы резать кожу и мышцы. Недавно у больницы сменился поставщик, и — вряд ли по чистому совпадению, — ножницы нам стали попадаться исключительно тупые. «Подешевле и попроще» — этот

девиз можно было бы отпечатать на футболках для персонала, возмущаясь я про себя, прислушиваясь к продолжающему замедляться сердечному ритму на мониторе. Потом встряхиваюсь и возобновляю свой мысленный отчет. «15:51», — думаю я, но тут сопоставляю это время с остальными записями. Похоже, от усталости мой мозг решил, что сейчас дневная смена. «03:51», — начинаю я заново. «Сердцебиение плода 108 ударов в минуту, децелерация сохраняется. Подготовка к эпизиотомии».

— Нам придется сделать небольшой надрез, — веселым тоном объявляю я, обращаясь к голосу в изголовье кровати. — Просто чтобы помочь ребенку выйти наружу.

В акушерстве все «небольшое»: небольшой надрез, небольшой разрыв, небольшое кровотечение — причем под последним может подразумеваться что угодно, от нескольких капель до целого потока. Эвфемизмы — одна из наших сильных сторон: мы быстро учимся все преуменьшать и сглаживать. Жестокость родов и без того очевидна, тут и выдумывать ничего не надо.

Из монитора несется хаотичный перестук, пульс ребенка опустился до семидесяти четырех ударов в минуту — почти в половину меньше нормы, — и не возвращается в пределы нормы между схватками. Мэри передает мне ножницы. На краю тележ-

ки стоит флакон с лидокаином, но сердцебиение плода продолжает замедляться, и у нас нет времени на местную анестезию.

— Черт, черт, черт!

Чей это голос? Пациентки или мой собственный, у меня в голове? Руки у меня трясутся от нервного напряжения и множества чашек кофе, но я ввожу два пальца за кожную перегородку и оттягиваю карман над головкой ребенка, где могу резать, не опасаясь ее повредить. Это называется медиолатеральная эпизиотомия. В действительности же это разрез через мягкие ткани под углом на восемь часов, наносящий серьезный ущерб тазовому дну, но позволяющий облегчить прохождение ребенка через родовые пути. Я ненавижу его делать. Ненавижу резать женщин, причинять им боль, которая не пройдет еще несколько дней, а то и недель, ненавижу то, что через полчаса, если все закончится благополучно, мне придется самой заштопывать этот разрез. Только-только пациентка успокоится, устроив ребенка у себя на груди, как начинается второй раунд: мытье рук, чистый халат, стерильный набор инструментов, изогнутая игла и шелковая нить, которую я держу на весу, готовясь устранить причиненный ущерб.

Я беру ножницы. Новая схватка прокатывается по телу женщины, ребенок пытается вырваться наружу.

— Иисус, Мария, аааааааааа, — хрипит голос. «Пожалуйста, пускай эти ножницы окажутся острыми», — говорит тихий, но не менее настойчивый голос у меня в голове. — «Пускай этот ребенок появится, наконец, на свет. Пусть все пройдет хорошо». И в самом конце извечная молитва всех акушерок по всему миру: «Пожалуйста, пусть ничего ужасного не случится, и меня не выгонят с работы, и, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, пускай мой мочевой пузырь продержится еще хотя бы час, пока я тут не закончу».

Еще нет и четырех утра. Я не спала почти двадцать четыре часа. Ножницы разрезают кожу. Как же я здесь оказалась?

О шарах для боулинга и родах вообще

Впервые о родах я услышала от Майка Каца, серебряного призера конкурса Мистер Олимпия 1976 (в категории тяжеловесов) и обладателя множества прочих звучных титулов, как то: Мистер Несокрушимый (девятое место, 1963), Мистер Вселенная (высокий рост, третье место, 1973) и Мистер Америка (четвертое место, 1970). Майк Кац — или мистер Кац, как нам следовало его называть в школе, — ветеран бодибилдинга, преподаватель и хоккейный тренер, в свое время поставивший рекорд по обхвату грудной клетки, 152 см, ходил по школьным коридорам, едва не задевая стены своими мощными бицепсами, которые никак не хотели прилегать к громадному торсу.

Хотя силовые тренировки и наращивание мышечной массы не входили в сферу моих интересов, все ученики обязаны были посещать класс «медицины», который вел — угадайте кто? — мистер Кац. Уроки

вертелись в основном вокруг школьной подборки обучающих фильмов, посвященных разным потенциальным опасностям, от употребления алкоголя за рулем до ранних половых связей. Однако гвоздем программы, как ни странно, оказалось видео о родах. Когда наступил его черед, мистер Кац встал посреди класса, торжественно нацелил пульт дистанционного управления на видеомагнитофон, и перед нами на экране, без предварительного вступления в виде рассказа о схватках, появилась непосредственно съемка родов. Телевизор зарябил, а когда полосы прошли, мы увидели увеличенное изображение головки ребенка, вылезавшей у женщины между раздвинутых ног. На заднем фоне слышались крики, текла кровь, а головка ребенка становилась все больше, растягивая вульву бедняжки до прямо-таки невероятных размеров. Мальчишки завозились на своих местах, не зная, как реагировать: с отвращением или с восторгом, ведь им, как-никак, продемонстрировали обнаженные женские прелести. Девочки ежились и смаргивали, но не могли отвести от экрана взгляд. Это что же, и есть наше будущее? С нами тоже так будет? Когда уже прекратятся эти крики? А в самом центре, скрестив на груди руки, с блеском в глазах и с торжествующей улыбкой, возвышался мистер Кац.

— Только посмотрите на это, молодежь! Все равно что чертов шар для боулинга!

Мистера Каца, конечно, не назовешь светилом акушерства, но кое-что, связанное с тем видео, запомнилось мне на долгие годы. Несмотря на его жестокую эстетику, я помимо воли испытала то же, что и мистер Кац, чувство восхищения. Мне открылась истина: роды — это действительно чудо. Иногда тяжелое, иногда шокирующее, но чудо. Одно то, что голова подобных размеров способна проникнуть в узкую трубку влагалища, уже способно впечатлить даже самого цинично настроенного очевидца. Я же в свои шестнадцать задалась и еще одним вопросом: могут ли женщины рожать как-нибудь по-другому? Например, сидя? Или стоя? С улыбкой, даже смеясь? Что происходило с женщиной за кадром, что было у нее на лице, на душе, на сердце — выше этого отрезанного изображения вульвы?

В последующие годы я вспоминала о таинстве деторождения лишь мимоходом, пока наконец в возрасте двадцати пяти лет и в статусе новобрачной не обнаружила, что мысль завести ребенка с моим прямодушным рыжебородым шотландцем-мужем кажется мне до невозможности привлекательной. Когда мысль материализовалась в виде двух полосок на тесте, я загорелась материнством с той же страстью, с какой раньше его избегала. Я прочитала массу книг, прошерстила весь Интернет и, как образцовая будущая мама-ша, записалась на свои первые курсы подготовки

к родам — или, как они назывались, «Курсы родительского мастерства».

«Родительское мастерство» звучит как какое-то ремесленничество, что-то из проспектов общественного центра искусств вроде пчеловодства, плетения корзин, рисования на молочной пенке поверх кофе и тому подобного. Реальность оказалась немного другой. Место действия: комната без окон в подвале местного родильного дома, полная растерянных супружеских пар с испуганными глазами. Как и много лет назад в классе мистера Каца, я уселась поудобней в ожидании, что сейчас мне откроется вселенская мудрость.

Следующие полтора часа я слушала полное энтузиазма выступление пожилой акушерки с коротко стриженными серебряными волосами и лукавым блеском в глазах, которая, активно жестикулируя, знакомила нас с анатомическими иллюстрациями, расставленными на пюпитрах перед аудиторией. Матка на них изображалась ярко-алой, мочевой пузырь — голубым, а влагалище — розовым, и вся репродуктивная система напоминала завиток экзотической морской раковины. В комнате становилось все жарче, а поскольку дело было в Шотландии, наша влажная одежда вскоре начала издавать характерный запах собачьей шерсти. От короткой серии ударов внутри живота меня внезапно сильно затошнило, в глазах потемнело, и я стала медлен-

но сползать вниз по стулу. Совершенно ясно, Я Для Этого Не Гожусь. За тошнотой и неловкостью на меня навалились паника и сомнения: если я не могу высидеть даже курсы родительского мастерства, то как тогда я справлюсь со схватками, потугами и тем самым неизбежным «шаром для боулинга»?

Однако далее последовало рождение двух моих дочерей, давшее мне прямо-таки полярный акушерский опыт: одно срочное кесарево сечение после длительных тяжелых схваток и домашние роды, стремительные настолько, что мой муж сам принял ребенка еще до приезда акушерки. Как вообще роды могут быть настолько различными? Кажалось, единственный общий знаменатель в обоих случаях — ребенок, но оба раза я оказывалась на грани своих физических и эмоциональных возможностей. Несмотря на все прочитанное, на курсы родительского мастерства и личный опыт, я все равно ничего не понимала. Как так выходит? Как миллионы женщин миллионами разных путей приходят к единому пункту назначения? Существует ли способ сделать их пути более радостными и счастливыми, можно ли передавать и получать эти знания? И если да, то есть ли у меня хоть малейший шанс приобщиться к этой черной магии — у меня, с моей полной безалаберностью, плохой координацией и доходящим до смешного отсутствием здравого смысла? Вопрос, мелькнувший у меня в голове еще

при просмотре видео с родами много-много лет назад, стал внезапно первостепенным, важным и значительным. Работа на телевидении с каждым днем приносила мне все меньше удовлетворения, и я подумывала о том, чтобы сменить профессию, но до последнего времени нежелание вновь садиться за парту пересиливало во мне интерес к акушерству. Но вот мои девочки стали подрастать, новая карьера показалась вполне реальной, и баланс сил изменился. Я начала допускать мысль, что возможно — возможно! — где-то в параллельной Вселенной могла бы стать акушеркой, которая помогает женщинам пройти через беременность и роды, сохранив при этом собственное достоинство (и неповрежденное тазовое дно).

Собеседование при отборе на акушерские курсы сочетало в себе проверку практических навыков и устойчивости к психологическому давлению (что, как я позднее поняла, тоже являлось отличной подготовкой к будущей работе). Две преподавательницы отвели меня в кабинет и стали задавать стандартные вопросы, на которые я отвечала с легкостью: что может быть проще, чем рассуждать о самостоятельности, независимости и правах женщин перед благосклонной аудиторией. «Делов-то!» — думала я, глядя, как экзаменаторы мне ободряюще кивают. И почему другие так боялись?